

они для культуры и развитія края сдѣлали болѣе, чѣмъ сколько дѣлали не только тогдашніе воеводы, но чѣмъ сколько дѣлаютъ и нынѣшніе генералы. Но подумайте, г. Суворинъ: какіе ничтожныхъ людей вы не прославляете теперь, въ настоящее время, сегодня, вчера, каждый день? Какіихъ гнусностей вы не выдаете за доблести?

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Все имѣетъ свою исторію. Имѣетъ ее и хвастовство: нынѣ люди хвастаютъ не тѣмъ, чѣмъ они хвастали двадцать лѣтъ тому назадъ, а тогда хвастали не тѣмъ, чѣмъ хвастали за двѣсти лѣтъ. Какъ ни мизеренъ кажется на первый взглядъ этотъ предметъ, но онъ заслуживаетъ полнаго вниманія. Исторія хвастовства, еслибы кто-нибудь взялся написать ее добросовѣстно и съ серьезнымъ убѣжденіемъ въ важности тѣмы, могла бы составить прелюбопытную и препоучительную книгу. Степень умственного и нравственного развитія какъ цѣлыхъ обществъ, такъ и отдѣльныхъ личностей, ничѣмъ, можетъ быть, не выражается такъ ярко, какъ предметомъ и характеромъ хвастовства. Дикарь, измѣряющій свое достоинство количествомъ съѣденныхъ или, по крайней мѣрѣ, убитыхъ имъ людей; инквизиторъ, хвастающій числомъ сожженныхъ имъ еретиковъ и вѣдьмъ; кутила-помѣщикъ, хвастающій количествомъ истребленныхъ имъ напитковъ; купецъ, хвастающій тѣмъ, что ловко надулъ попутателя, и проч., и проч.—всѣ эти люди рассчитываютъ на одобреніе болѣе или менѣе обширнаго круга людей, и, слѣдовательно въ ихъ хвастовствѣ отражается умственный и нравственный складъ всего этого круга. Дѣло это историческое, то есть постоянно измѣняющееся вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ личности и общества. Значитъ, и судить хвастуна можно только съ точки зрѣнія данной ступени развитія. Само по себѣ, хвастовство—не добродѣтель, конечно, не достоинство, но и не богъ знаетъ какой недостатокъ. Смотря по содержанію, характеру и обстановкѣ, хвастовство можетъ быть очень наивнымъ, даже добродушнымъ; можетъ свидѣтельствовать о кое какіихъ общественныхъ инстинктахъ, потому что, какъ ни какъ, а хвастунъ дорожитъ уваженіемъ тѣхъ, передъ кѣмъ хвастаетъ; можетъ свидѣтельствовать, наконецъ, иногда даже объ очень тонкомъ умѣ, если расчеты хвастуна оказываются вѣрными. Но точно также оно можетъ свидѣтельствовать и о глупости, и о полной нравственной дряхлости. Какой-нибудь дикарь, гордо увѣшивающій себя скальпами

враговъ, можетъ быть для своего времени и мѣста исполнѣ передовымъ человѣкомъ, цвѣтомъ и красой своего племени. Но еслибы среди насъ родился человѣкъ, способный хвастать скальпами, онъ былъ бы просто глупый звѣрь, котораго пришлось бы тотчасъ же устранить за совершенною невозможностью имѣть съ нимъ какое бы то ни было общеніе. И такова всегда участь людей, хвастающихъ тѣмъ, что перестало составлять для окружающихъ предметъ удивленія или уваженія, хотя, само собою разумѣется, далеко не всегда требуется устраненіе подобныхъ запоздалыхъ хвастуновъ. Напримѣръ, у насъ въ старину пользовался почетомъ блѣдный поэтъ съ вѣчною печатью вдохновенія на челѣ, съ глазами, устремленными къ небу, самъ весь стремящійся куда-то горѣ, а потому не видящій, что творится на землѣ. Эта по теперешнему странная фигура, не шутя, хвасталась своимъ отчужденіемъ отъ житейскихъ тревоженій и битвъ, съ презрѣніемъ смотрѣла на мелкихъ мошекъ и букашекъ, борющихся за жизнь, и находила свою аудиторію, своихъ поклонниковъ, гордившихся честью знакомства съ ротозѣемъ-поэтомъ. Представьте себѣ, что среди насъ явился бы такой ротозѣй. Устранять его, конечно, нѣтъ резона, но дѣла съ нимъ никакого нельзя имѣть, потому что, если онъ не понимаетъ своей запоздалости, которая такъ несомнѣнна, то, значить, онъ ровно ничего не понимаетъ. Въ старыя годы, даже очень умный человѣкъ могъ хвастаться поэтическимъ ротозѣйствомъ, но теперь для этого нужно обладать значительнымъ скудоуміемъ. Точно также надо быть очень скорбнымъ главою, чтобы считать за честь знакомство съ такимъ мастодонтомъ, случайно проявившимся среди совсѣмъ неподходящей фауны, и хвастать этимъ знакомствомъ. Теперь всякій, мало-мальски смыслящій человѣкъ требуетъ отъ поэта не только участія въ житейскихъ тревоженіяхъ, а еще участія съ совершенно опредѣленнымъ характеромъ. Если поэтъ провозгласитъ, напримѣръ, что, дескать, «на этихъ людяхъ, государь Пантелѣй, палки ты не жалѣй суковатыя», то однимъ это очень понравится, а другіе, пожалуй, и не хорошимъ словомъ поэта обзовутъ; одни будутъ гордиться рукопожатіемъ творца суковатой палки, а другіе—стыдиться. Съ этимъ, я думаю, и «Недѣля» согласится.

А причемъ тутъ «Недѣля»—тому слѣдуютъ пункты.

Все, сказанное о поэтѣ приложимо и къ писателю вообще. Можетъ быть, гдѣ-нибудь въ дальнихъ уголкахъ великой и обильной земли нашей еще хранится представленіе о «литературномъ человѣкѣ», писателѣ вообще, какъ о странномъ какомъ-то знатномъ иностранцѣ, вызывающемъ благоговѣнное отношеніе къ себѣ, совершенно независимо отъ содержанія его писаній. Писатель, литераторъ—и конецъ: значить, какой-то особенный человѣкъ, на котораго даже посмотрѣть любопытно; а представляетъ ли онъ изъ себя Богу свѣчу или чорту кочергу—это въ расчетъ не берется. Съ перваго взгляда кажется, что въ та-

комъ отношеніи къ писателю сквозить глубокое уваженіе. На самомъ же дѣлѣ, тутъ уваженія нѣтъ ни капли, а есть только полная отчужденность: ты, молъ, не нашъ, намъ съ тобой не дѣтей крестить, не пиво варить, а посмотрѣть на знатнаго иностранца ничего, любопытно—можетъ быть, у него какіе узоры на лицѣ разрисованы. Отчужденность особенно выражается этимъ нежеланіемъ или неумѣніемъ проникнуть во внутреннюю жизнь писателя, посмотрѣть, чѣмъ именно живетъ его душа, какому онъ богу молится. Въ дальнихъ уголкахъ это очень естественно. Но въ такихъ мѣстахъ, гдѣ писатель не есть *gauche avis*, такое отношеніе къ нему просто нелѣпо. Я осмѣливаюсь утверждать, что тѣ дикіе люди, которые гоняютъ какого-нибудь несчастнаго корреспондента, раскрывшаго губернскія тайны, и рекутъ на него всякъ золь глаголь, много ближе къ правильному пониманію вещей, чѣмъ тѣ, кто смотритъ на литератора, какъ на знатнаго иностранца. Они дикіи и звѣрообразны—это правда, но они, по крайней мѣрѣ, видятъ въ литературѣ нѣкоторую общественную силу, съ которой надо считаться, которая можетъ нанести имъ ущербъ, которая имъ, слѣдовательно, хоть и враждебна, но все-таки близка.

«Недѣля» съ этимъ, конечно, не согласится. Эта почтенная газета, сама, наконецъ, соскучившись, наводитъ тоску на своихъ читателей, завела у себя двухъ фельетонистовъ, предающихся игривости по обязанности. Они чередуются, эти два бѣдные человѣка, и одну недѣлю одинъ, другую недѣлю другой стараются занимать общество. Оба они такъ другъ на друга похожи, что только опытный глазъ нашего брата, журналиста, можетъ различить въ одномъ нѣсколько больше старческой сентиментальности, въ другомъ—нѣсколько больше наивнаго самодовольства. Эта пара сапогъ проникнута чрезвычайнымъ уваженіемъ къ литераторамъ. Одинъ (сентиментальный старичекъ) вспоминаетъ:

«Помню маленькій домикъ въ три окошечка съ мезониномъ, на Карповкѣ; въ этомъ домѣ и *она* провела свою молодость. Теперь въ этомъ домѣ, кажется, фабрика Гризара, а тогда жилъ редакторъ одного извѣстнаго журнала и извѣстный переводчикъ Донъ-Кихота, не съ французскаго, а съ испанскаго. Въ этомъ домѣ свершилось мое первое литературное крещеніе. Я помню эти вечера, когда съ какимъ-то робкимъ чувствомъ вступалъ я въ этотъ домъ; внизу танцовала молодѣжь, и молодѣжь была умная. *Она* блистала своей красотой и какой-то особенной, привлекательной, молодящей граціей, чѣмъ-то такимъ хорошимъ, что становилось необыкновенно весело, тепло и уютно. Отецъ ея, редакторъ, работалъ на верху въ мезонинѣ и сходилъ сверху только въ 2 часа ночи. Своимъ появленіемъ онъ наводилъ на меня какое-то робкое смущеніе; онъ мнѣ казался необыкновеннымъ человѣкомъ, и я чувствовалъ себя какимъ-то маленькимъ. Я мечталъ походить на него, желалъ сдѣлаться писателемъ, но дерзкая мысль стать редакторомъ никогда даже и близко не подходила ко мнѣ» (1878, № 8).

Другой (наивно самодовольный) вспоминаетъ:

«У меня еще съ юныхъ лѣтъ сохранилось какое-то инстинктивное уваженіе къ писателямъ. Помню, какъ я еще студентомъ первый разъ входилъ къ И. С. Тургеневу. Когда я остановился у его двери, мое сердце колотилось такъ сильно, что я нѣсколько минутъ долженъ былъ ждать, чтобы успокоиться и придти въ себя. Эту минуту я помню очень отчетливо. Но когда я дрожащей рукой робко потянулъ колокольчикъ и вошелъ въ переднюю, когда обо мнѣ доложили и я увидѣлъ его — *его самою!* — меня вдругъ схватилъ такой благоговѣйный трепетъ, что зазвѣло въ ушахъ, закружилась голова — и этотъ моментъ представляется мнѣ теперь въ какомъ-то туманѣ» (1877, № 44).

Для очень молодыхъ людей, робко мечтающихъ о литературной дѣятельности, это естественныя чувства. Но маленькая собачка — до старости щенокъ, а фельетонисты «Недѣли» изъ маленькихъ. Одинъ изъ нихъ побывалъ въ александринскомъ театрѣ въ бенефисъ г. Монахова, когда шла пьеса г. Потѣхина «Выгодное предпріятіе». Онъ напалъ тамъ на толпу литераторовъ. «И вотъ какъ онъ объ ней рассказывалъ въ семьѣ своей». Да добро бы еще въ самомъ дѣлѣ въ семьѣ — семейное дѣло закрытое дѣло — а въ газетѣ:

«Я вошелъ въ партеръ, и первый, кто попался мнѣ на глаза, былъ Петръ Исаевичъ Вейнбергъ.

— А, и вы показались? говорилъ онъ, протягивая руку.

— Какъ же! Нельзя!

— Тутъ уже есть кой-кто изъ «рѣдкихъ». Да и случай-то рѣдкій.

Вотъ и Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ.

— Что, батюшка, и вы заглянули?

— Да случай такой — нельзя!

Вотъ Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ.

— А вы-то какъ? Давно ли изъ Вѣны?

— Только вчера.

— Говорятъ, пьеску написали?

— Не пьесу, а такъ себѣ — сценки.

— Посмотримъ!

Боже! Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ!

— Ну, ужъ васъ-то я не ожидалъ здѣсь встрѣтить.

— Какъ видите.

Вотъ и Николай Васильевичъ Максимовъ, авторъ талантливыхъ корреспонденцій съ театра войны.

— Что ваша рана?

— Благодарю васъ — зажила совсѣмъ.

Василій Аполлоновичъ Полетика.

— Какими судьбами?

— Да тѣми же, что и вы.

Евгеній Валентиновичъ Де-Роберти.

— Эге! И господа позитивисты сегодня пожаловали.

Т. ССХХХVII.—Омъ. II.

— Еще бы!

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— А вотъ и еще кто-то, а вонъ въ ложѣ тоже «свои». Да сегодня настоящій «смотръ»! Это тѣмъ пріятнѣе, что литераторы только и встрѣчаются, что на похоронахъ, да изрѣдка въ главномъ управленіи по дѣламъ печати.

— А гдѣ же *самъ-то*—бенефициантъ?

— Монаховъ?—На сценѣ, разумѣется.

— Какое Монаховъ!—Потѣхинъ!

— А!... Онъ тоже, должно быть, тамъ же. А пожалуй это и вѣрно, что сегодня не Монахова, а *его* бенефисъ» (1877, № 44).

Столь наивное самодовольство по случаю знакомства съ литераторами имѣетъ себѣ параллель только въ самодовольствѣ г. Зиссермана, который со всѣми кавказскими генералами служилъ, всѣхъ ихъ знаетъ по имени и отчеству и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ докладываетъ объ этомъ читателямъ «Русскаго Вѣстника» и «Новаго Времени». Но, надо правду сказать, г. Зиссерманъ имѣетъ немаловажное преимущество передъ фельетонистомъ «Недѣли». Онъ всегда все-таки хоть какой нибудь воинскій подвигъ своихъ знакомыхъ генераловъ расскажетъ и не ограничивается простымъ «здравствуйте» Алексѣя Сергѣевича и «еще бы!» Михаила Матвѣича. Фельетонисту «Недѣли» и вообще ни до какихъ подвиговъ дѣла нѣтъ. Онъ жметъ руку Алексѣя Сергѣича и Сергѣя Алексѣича, самодовольно оглядываясь—видать ли, дескать, окружающіе, что я со всѣми сочинителями знакомъ, а что Алексѣй Сергѣичъ есть вывороченный на изнанку Сергѣй Алексѣичъ—до этого ему дѣла нѣтъ. Онъ больше о томъ желаетъ повѣдать міру, что гулялъ однажды по Невскому съ Ѳеодоромъ Михайловичемъ Достоевскимъ, пилъ чай съ Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ и, изъ постороннихъ литературѣ лицъ согласенъ допустить въ этотъ священнодѣйствующій кругъ только Дарью Михайловну Леонову, у которой онъ тоже пилъ чай. При этомъ оказывается, впрочемъ, что Дарья Михайловна много серьезнѣе понимаетъ свои гражданскія обязанности, чѣмъ Иванъ Сергѣевичъ. (№ 11, 1878). Но одна ласточка весны не дѣлаетъ: Дарья Михайловна—особь статья. Соль земли составляютъ сочинители. Фельетонистъ даже такъ выражается: «Я много видѣлъ... но чувство уваженія къ писателямъ, особенно «заслуженнымъ», все таки осталось. Мало сказать: осталось—оно такъ сильно, что заявляетъ себя даже тамъ, гдѣ ему совсѣмъ бы не мѣсто. Видишь, напримѣръ, человѣка, отъ котораго, по настоящему, слѣдовало бы отворачиваться (съ политической точки зрѣнія), а все-таки даешь ему руку и даже слышишь, какъ внутренній голосъ, шепчетъ тебѣ: э, брось къ чорту эту политику! Какая у насъ политика! Жми крѣпко ему руку, потому что онъ, при всѣхъ своихъ спотыканіяхъ, все-таки въ милліонъ разъ выше многихъ,

которыя въ обыденной жизни считаются наичестнѣйшими и наиполнѣйшими гражданами». О, да, конечно, какая у насъ политика! У насъ Полетика (Василій Аполлонычъ), какъ сострилъ однажды, кажется, г. Суворинъ (Алексій Сергѣичъ). Жмите-же, крѣпче жмите руку, написавшую знаменитый стихъ: «пальцы ты не жалѣй суковатыя»; жмите руку г. Каткова (онъ вѣдь Михаилъ Никифоровичъ), г. Болеслава Маркевича (и у него вѣрно отецъ былъ); жмите, не разбираючи лица, всякую руку, держащую перо, хотя бы перо это не выводило на бумагѣ ничего, кромѣ гнусностей и мракобѣсія. А мало вамъ живыхъ сочинителей, обратитесь къ Бредифу или иному медиуму—онъ вамъ советуетъ тѣни Булгарина и Бѣлинскаго, и ничто не помѣшаетъ вамъ одинаково крѣпко жать имъ руки. Хвастайте себя на здоровье всякимъ «еще бы!» Алексѣя Сергѣича. Онъ *все таки* въ миллионъ разъ выше наичестнѣйшихъ и наиполнѣйшихъ гражданъ, а потому что сочинитель. Какая у насъ политика! У насъ Полетика!

Пара сапогъ «Недѣли», ея сентиментальный старичекъ и ея наивный самодоволецъ, проникнуты чрезвычайнымъ уваженіемъ къ литераторамъ. Значить ли это, что они уважаютъ литературу, признавая за ней какую нибудь общественную силу? Конечно, нѣтъ; они говорятъ: какая у насъ политика! «къ чорту политику!» Они—просто запоздалые хвастуны. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ даже какъ будто и самъ понимаетъ это: уваженіе, говорить, къ писателямъ, такъ во мнѣ сильно, что заявляетъ себя даже тамъ, «гдѣ ему совсѣмъ бы не мѣсто»; отъ иного, говорить, надо бы «отворачиваться». Не могу, говорить, не заявить во всеуслышаніе—потому—дестно, что пилъ чай съ Иваномъ Сергѣевичемъ, гулялъ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ, обѣдалъ съ Петромъ Дмитриевичемъ, жаль руку Алексѣя Сергѣевича и выслушалъ милостивое «э!» отъ Василія Аполлоновича. Наивный самодоволецъ хвастаетъ тѣмъ, что, къ счастью, давно уже перестало быть предметомъ уваженія общества: абстрактнымъ, оторваннымъ отъ жизни и «политики» литературствомъ. Въ старыя годы, когда сочинители и не помышляли объ томъ, чтобы производить какое нибудь опредѣленное давленіе на своихъ читателей, когда они просто сочиняли, такъ же просто, «какъ соловей поетъ и роза благоухаетъ», въ тѣ годы сочинитель былъ человекъ не отъ міра сего. Толпа готова была видѣть вокругъ головы этого чуждаго ей, далекаго, неопредѣленнаго, туманнаго образа какое-то сіяніе. Знакомство съ нимъ, возможность приблизиться къ нему считалось особенною, хотя и довольно двусмысленною честью. Нынѣ люди не расположены смотрѣть такъ на сочинителя, ибо видятъ въ немъ дѣятеля и, значить, сортируютъ сочинителей по ихъ дѣятельности. Поэтому хвастать абстрактнымъ литературствомъ значить быть хвастуномъ запоздалымъ. А такое запоздалое хвастовство ведетъ за собой свои обычныя послѣдствія. Не понимая своей запоздалости,

очевидной для всѣхъ, хвастунъ не понимаетъ ровно ничего и мелеть разный вздоръ, не умѣя справиться нелюбо съ политикой, а даже съ логикой и даже съ грамматикой.

Сентиментальный старичекъ и наивный самодоволецъ, такъ строго соблюдающіе культъ «литературнаго человѣка», не могли, разумѣется, оставить безъ вниманія мои скромныя разсужденія о вымираніи этого типа. Они, привать-звонари храма Аполлона и музъ, такъ твердо знающіе имена и отчества настоящихъ священнослужителей, не обмолвились, однако, ни однимъ словомъ о настоящемъ предметѣ моихъ разсужденій. Они, блаженные бѣдные люди (блаженны нищіе духомъ), съ замѣчательнымъ единодушіемъ ухватились за мои нѣсколько словъ о литературныхъ обѣдахъ, хотя это учрежденіе было помянуто мною только въ качествѣ иллюстраціи. Уже одно это обстоятельство характеризуетъ умонастроеніе фельетонистовъ «Недѣли». Сентиментальный старичекъ даже расплакался («плачетъ старый камень, въ прудъ роняя слезы», по незабвенному выраженію г. Фета): гордости, говорить, въ васъ много, сердца нѣтъ, а съ логикой далеко не умѣешь — вотъ вы и не понимаете, какъ пріятно нообѣдать вмѣстѣ съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ и княземъ Владиміромъ Петровичемъ! Философъ, говорить, вы и больше ничего. Наивный самодоволецъ, тотъ не расплакался. Напротивъ, онъ молодцовато разсказалъ, какъ онъ записывался въ думѣ въ «ополченскіе офицеры», пожелалъ видѣть меня въ ополченскомъ мундирѣ (покорнѣйше благодарю) и ужъ какъ-то съ этой стороны припелъ литературныя обѣды. Однако, тоже не похвалилъ: искренности, говорить, мало, смиреніе фальшивое на себя напускаете; философъ, говорить, вы и больше ничего.

Милые люди, право, съ вами ужасно трудно разговаривать. Но вотъ крупница чего-то, за чтѣ можно, по крайней мѣрѣ, ухватиться. Сентиментальный старичокъ, удержавъ на минуту слезы, весьма ехидно спрашиваетъ: отчего вы на литературныхъ обѣдахъ не бываете, а въ комитетѣ литературнаго фонда заседаете? Это непослѣдовательно. Въ самомъ дѣлѣ, почему я, получая постоянно приглашенія на литературныя обѣды, ни разу на нихъ не былъ, а, будучи избранъ въ члены комитета литературнаго фонда, не уклонился? Я съ большимъ удовольствіемъ объясню это сентиментальному старичку, потому что это можетъ повести къ правильной постановкѣ общаго вопроса. Говоря о литературныхъ обѣдахъ, я замѣтилъ, что есть, конечно, таковаго рода вопросы, которые могли бы составить любопытный предметъ собесѣдованія всѣхъ писателей, безъ различія цвѣта и направленія. Это вопросы объ общемъ положеніи литературы, политическомъ и экономическомъ, но они исключены изъ программы обѣденныхъ дебатовъ. Остается, слѣдовательно, только «сближеніе», а сближеніе Алексѣя Сергѣевича съ Сергѣемъ Алексѣевичемъ я считаю невозможнымъ и ненужнымъ. Литературный фондъ поставленъ совсѣмъ иначе. Тамъ ни о какомъ сближеніи

людей, не подлежащихъ сближенію, нѣтъ и рѣчи, тамъ просто помогаютъ «нуждающимся литераторамъ и ученымъ». И это — хотя не большое, не важное, но все-таки дѣло. Вотъ вамъ и все разъясненіе, мой сентиментальный старичекъ; оно очень просто.

Однако, я долженъ повиниться. На одномъ изъ литературныхъ обѣдовъ обсуждался вопросъ, для разрѣшенія котораго не требуется единства политическаго образа мыслей конвивовъ. Одинъ мой пріятель говоритъ, что судьба литературныхъ обѣдовъ напоминаетъ ему слѣдующій анекдотъ. Нѣкто купилъ по случаю (очень уже дешево продавалась) двуспальную кровать, а, купивъ ее, серьёзно уже сталъ прискивать невѣсту. Такъ и господа обѣдающіе. Собравшись безъ всякой опредѣленной дѣли, они уже потомъ стали прискивать дѣль. И прискивали, между прочимъ, вопросъ о нашихъ литературныхъ нравахъ и полемическихъ приемахъ. На чтѣ, кажется, лучше! Чтѣ тутъ было говорено, я хорошенько не знаю, да оно и не важно. Любопытно бы только знать, какъ отразились на дѣлѣ разсужденія (вѣроятно, прекрасныя) о необходимости приличія въ полемикѣ. Я не говорю: *post hoc, ergo propter hoc*; но, во всякомъ случаѣ, обѣденныя разсужденія о приличіяхъ, по малой мѣрѣ, не помѣшали выработаться полемическому приему, кажется, новому въ нашей литературѣ, но совершенно неприличному. За образцами недалеко ходить. Они есть и въ «Недѣлѣ», въ фельетонахъ паладина обѣдовъ, наивнаго самодовольца. Этотъ человекъ говоритъ, что, по моему «узнренію», г. Суворинъ «былъ когда то простымъ уѣзднымъ учителемъ» (№ 13, 1878). Понадобилось это г. фельетонисту для того, чтобы всадить мнѣ нѣкоторую шпильку, которая, однако, не могла бы причинить серьёзнаго укола даже въ томъ случаѣ, еслибы была вполне справедлива. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что наивный самоволецъ солгалъ. Былъ ли г. Суворинъ, «простымъ» уѣзднымъ учителемъ или нѣтъ—это мнѣ совершенно неизвѣстно; да еслибы и было извѣстно, то было бы совершенно безразлично. Г. Суворинъ могъ быть уѣзднымъ учителемъ и затѣмъ, работая надъ самимъ собой, достигнуть учености Гумбольда; паладинъ обѣдовъ могъ послѣдовательно кончить курсъ въ десяти университетахъ и пятнадцати академіяхъ и тѣмъ не менѣе дойти до настоящаго состоянія его умственныхъ способностей. Я сказалъ только, что г. Суворинъ напрасно читаетъ нотаціи технологическимъ студентамъ насчетъ пользы ученія, такъ какъ самъ онъ, будучи человекомъ весьма мало образованнымъ, ничто же сумняся, стоитъ во главѣ большой газеты. Господа обѣдающіе, вѣроятно вознегодуютъ за употребленное мною слово «солгалъ» и ничего не будутъ имѣть противъ самодовольца за самую ложь. Сказать «солгалъ», изволите ли видѣть, неприлично, а солгать—ничего, можно. Въ этой-то лжи и состоитъ новый полемическій приемъ, быстро прививающійся къ нашей литературной почвѣ и въ короткое время сдѣлавшій невѣроятные успѣхи. Онъ расчитанъ на то,

что нельзя же всякій разъ справляться; повѣрять и на слово, особенно когда ложь произносится съ достаточнымъ апломбомъ, а апломбъ — это по-русски почти тоже, что мѣдный лобъ, отъ котораго всякая пуля отскочитъ.

Въ № 57 «Петербургскаго Листка» читатель можетъ найти очень любопытное письмо нѣкоего г. Трозинера, изъ котораго видно слѣдующее. Въ одномъ изъ воскресныхъ фельетоновъ «Новаго Времени» г. Суворинъ описывалъ общее собраніе общества взаимнаго кредита. Рѣчь на этомъ собраніи шла о расхищеніи изъ кассы общества немалаго количества денегъ—милліонами считаютъ. Г. Суворинъ имѣетъ, по предположенію г. Трозинера, отнюдь не идеальный интересъ замять эту исторію. И вотъ онъ набрасывается на г. Трозинера, находящагося въ совершенно иномъ положеніи. Онъ рассказываетъ эпизодъ изъ прошлой жизни г. Трозинера, а именно: какъ онъ однажды, будучи защитникомъ г-жи Гандонъ, обвинявшейся въ появленіи на сценѣ «почти безъ костюма», принесъ въ судъ, въ доказательство невинности своей кліентки, ея триковые панталоны. Ну, тутъ идутъ, разумѣется, разныя шуточкі и прибауточкі: «въ настоящемъ случаѣ г. Трозинеръ, вмѣсто триковыхъ панталонъ, держалъ въ рукахъ отчеты взаимнаго кредита», и т. д. Человѣкъ осмѣянь, въ памяти читателя вызывается непривлекательный эпизодъ изъ прошлаго этого человѣка; цѣль достигнута: одинъ изъ противниковъ забросанъ грязью. Извольте рыться въ старыхъ газетахъ, справляться, такъ ли было дѣло, какъ рассказываетъ г. Суворинъ, приносилъ ли г. Трозинеръ въ судъ панталоны г-жи Гандонъ; да еслибы кому нибудь и пришло въ голову наводить справки, такъ дѣло уже сдѣлано, извѣстное впечатлѣніе произведено. Но вотъ оказывается, что г. Суворинъ солгалъ: г. Трозинеръ заявляетъ въ своемъ письмѣ, что никогда онъ г-жи Гандонъ не защищалъ, а, слѣдовательно, и панталонъ ея не предъавлялъ, а защищалъ ее г. Крюковскій. Я, признаюсь, питалъ надежду, что г. Суворинъ извинится передъ оболганнымъ имъ человѣкомъ или, по крайней мѣрѣ, подтвердитъ, что дѣйствительно, дескать, ошибся. Ни чуть не бывало. Новый полемическій приемъ восторжествовалъ до конца.

Или еще г. ла-Серда. Будучи мною фактически уличенъ во лжи, онъ напечаталъ въ № 4 «Слова» новую отповѣдь. Это такое море наглости, лжи, изворотовъ, отпирательствъ отъ собственныхъ словъ, которое, очевидно, рассчитано на то, что у порядочнаго человѣка опустятся, наконецъ, руки. Г. ла-Серда какъ бы говорить: ну, да, я солгалъ, и вотъ опять лгу, и еще буду лгать, что съ меня возьмешь?! Конечно, что съ васъ возьмешь! идите своей дорогой. Притомъ же, нужные въ настоящемъ случаѣ документы (книги и статьи) такъ немногочисленны, что всякій грамотный человѣкъ легко и самъ доберется до истины. Я только одну частность подчеркну, потому что тутъ документы не у всѣхъ могутъ быть подъ руками. Предполагая, что «ла-Сер-

да» есть псевдонимъ, и зная, что по-испански *la cerda* значить «свинья», я подивился шутловству челоуѣка, избирающаго такой псевдонимъ. Г. ла-Серда утверждаетъ, что «любой» испанскій лексиконъ опровергнетъ мой переводъ. Я справлялся съ лексиконами и могу только еще разъ подтвердить, что по-испански *el cerdo* значить кабанъ, а *la cerda*—свинья. Если ла-Серда не псевдонимъ, такъ чего же тутъ стыдиться, отчего отпираться? Надо только стараться, чтобы родовая кличка не по личной шерсти пришла.

Кстати о г. ла-Сердѣ. Редакція «Слова», въ своемъ объясненіи, напечатанномъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», говоритъ между прочимъ: «Такъ какъ г. де ла-Серда не только намъ, но и всей русской литературѣ извѣстенъ съ такой стороны, что статьи его съ фактической стороны не подвергаются провѣркѣ, то мы напечатали его рецензію, не справляясь съ книгой г. Лесевича». Почтенная редакція хотѣла, вѣроятно, сказать, что г. ла-Серда былъ извѣстенъ съ такой стороны, потому что теперь-то ужъ онъ, конечно, совсѣмъ съ другой стороны извѣстенъ. Но и за всѣмъ тѣмъ, я былъ заинтересованъ: когда и кому г. ла-Серда былъ извѣстенъ вообще и со стороны его добросовѣстности и познаній въ особенности? Я обратился съ этимъ вопросомъ къ одному записному библиографу, имѣющему охоту и способность помнить всѣхъ, даже мельчайшихъ мошекъ и букашекъ русской литературы. Онъ такое мнѣ сказалъ, что я не повѣрилъ и потребовалъ доказательствъ. Тогда онъ принесъ мнѣ «С.-Петербургскія Вѣдомости» за 1873 г., гдѣ я нашелъ нѣсколько корреспонденцій изъ Рима, подписанныхъ «Е. де ла-Серда». Въ № отъ 10 декабря, этотъ добросовѣстный и многознающій корреспондентъ, извѣстный «всей русской литературѣ» съ такой стороны и проч., пишетъ о приѣмѣ, который встрѣтили въ Италіи агитаторы идеи «международнаго посредничества». По мнѣнію самого г. ла-Серды, они полны «вѣры въ осуществимость знаменитой утопіи Бернардена-де-С.-Пьера». Г. ла-Серда смѣшалъ автора проэкта вѣчнаго мира, аббата С.-Пьера, съ авторомъ «Павла и Виргиніи», Бернарденомъ де-С.-Пьеромъ... Ну, что же, это пустяки, конечно.

Такъ идите же, я говорю, г. ла-Серда, своей дорогой; а своимъ собратамъ по ремеслу я повторю прежній совѣтъ: когда г. ла-Серда принесетъ вамъ статью, ищите прежде всего—гдѣ въ ней «ошибка». Ищите и вы, гг. редакторы «Слова», потому что «ошибки» могутъ, наконецъ, и на васъ отзываться...

Итакъ, вотъ какіе полемическіе приемы выработались у насъ со времени обѣденныхъ разсужденій о приличіи въ полемикѣ: возмечь челоуѣкъ, да и налжетъ на своего противника все, что ему вздумается, а потомъ вѣдь и промолчать можно, въ случаѣ ежели уличать, или отпереться: звать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Этому приему можно предсказать блестящую будущность. Можно будетъ такъ писать: г. Суворинъ, судившійся за поджогъ

мельницы, застрахованной въ сумму выше ея дѣйствительной стоимости, и т. д. Или: г. Гайдебуровъ утверждаетъ въ № такомъ-то «Недѣли», будто земля на трехъ виткахъ стоитъ и проч. Или: г. ла Серда, всему міру извѣстный своимъ умомъ, знаніями и благородствомъ, и проч. Очень весело и, главное, прилично можетъ пойти дѣло. И когда всѣ другъ на друга достаточно налгутъ, не представится уже ровно никакихъ затрудненій для совмѣстныхъ обѣдовъ въ «Маломъ Ярославцѣ».

Вернемся къ «Недѣлѣ». Есть въ ней разныя статьи: порядочныя и пустыя, но все это ужасно блѣдно и не характерно. Девизъ «Недѣли»: малымъ довольна. До какой степени она дѣйствительно малымъ довольна, это лучше всего видно изъ фѣльетона «Литературно-житейскія замѣтки» въ № 5 за нынѣшній годъ. Тамъ говорится о вѣстрѣлѣ г-жи Засуличъ. Это такой адамантъ, который я смѣло могу рекомендовать вниманію каждаго любителя драгоценностей. Впрочемъ, и въ воскличеніи: къ чорту политику! тоже не дурно отражается девизъ почтенной газеты.

Къ чорту политику и да здравствуютъ обѣды! Своеобразное пониманіе «Недѣлю» задачъ и достоинства литературы сводится къ охраненію литературы отъ политики. Но у нея есть еще другая, не менѣе великая миссія — охраненіе чувства отъ разума. Почтенная газета исповѣдуется, что, какъ говорится гдѣ то у Щедрина, была бы вѣра, а разумъ и на запятеяхъ стоитъ! Сентиментальный старичокъ, все еще волнуясь изъ-за литературныхъ обѣдовъ, читаетъ мнѣ такую нотацію: «Измышленія ваши чисто книжныя, насыженные и выдуманныя въ четырехъ стѣнахъ, придуманныя не сердцемъ, а выкрученныя изъ головы. Если статья на точку зрѣнія автора, то въ логичности его измышленія, пожалуй, и не найдется перерывовъ. Но вѣдь логика — вещь условная... Хотя я и никогда не сомнѣвался въ вашихъ, философствующій собратья, книжныхъ знаніяхъ, но... ничто не создается головой». Старичокъ безъ боя уступаетъ умъ, логику и знаніе и даже вообще голову выдаетъ головой, памятуя, что и въ положеніи акефала онъ все-таки силенъ, какъ Гераклесъ, чувствомъ, сердцемъ. Онъ не можетъ прибрать для «измышлений» болѣе оскорбительнаго эпитета, какъ «выкрученныя изъ головы». Голова для него — совсѣмъ лишній инструментъ, бесполезно поглощающій часть пластическаго матеріала, вырабатывающагося изъ питательныхъ веществъ, подаваемыхъ на литературныхъ обѣдахъ. У него есть мысли, «придуманныя сердцемъ». Готовъ вѣрить, что это мысли прекраснѣйшія, много лучшія, чѣмъ тѣ, которыя, по законамъ природы, изготовляются головой, но понимать ихъ не дано обыкновенному смертному, не осмѣливающемуся попирать законы природы съ такимъ презрѣніемъ. Поэтому пусть сердечныя мысли сентиментальнаго старичка остаются въ полной неприкосновенности.

«Недѣля» давно уже затянула пѣсню о необходимости держать разумъ на запяткахъ. Но все это были легкіе кавалерій-

скіе наѣзды по разнымъ побочнымъ поводамъ. Это были случайныя пробы силы надъ разумомъ, въ родѣ того, какъ проходжій пытается свою мощь на силомѣрѣ, который встаети часто устраивается въ формѣ головы. Треснетъ проходжій кулакомъ по такой головѣ и отойдетъ прочь. Но въ нынѣшнемъ году «Недѣля» пожелала заняться этимъ дѣломъ вплотную, основательно, и напечатала статью «Умъ и чувство, какъ факторы прогресса» (№№ 6 и 7).

Статья заканчивается такимъ выводомъ: «самымъ важнымъ факторомъ прогресса есть чувство». Впрочемъ, авторъ согласенъ, кажется, выразить свою мысль въ не столь грубой и болѣе точной формѣ словами Милля: «духъ усовершенствованія является результатомъ возрастающей силы соціальныхъ инстинктовъ, въ связи съ развитіемъ умственной дѣятельности». Еслибы авторъ ограничился развитіемъ и доказательствами этого положенія, то я бы рѣшительно ничего не имѣлъ сказать о статьѣ «Умъ и чувство», кромѣ развѣ того, что мысль эта развивалась уже много разъ и обставлялась много лучше. Ничего не могъ бы я сказать и въ томъ случаѣ, еслибы авторъ старался доказать, что одно образование и даже вообще одна умственная дѣятельность не гарантируетъ ни личнаго добродѣтельного поведенія, ни глубины общественнаго развитія. Несомнѣнно, что умные и образованные люди могутъ быть негодьями, а люди, умственно слабые, могутъ обладать значительной нравственной силой. Но статья «Недѣля» построена такъ, что даетъ поводъ къ различнымъ недоразумѣніямъ, особенно принимая въ соображеніе одну рѣзкую черту нашего російскаго темперамента.

Казалось бы, умъ, логика, знаніе, наконецъ, вообще «голова», это безспорно такая прекрасная вещь, которая, если и можетъ чѣмунибудь помѣшать, такъ только глупости и невѣжеству. Можно разсуждать объ томъ, умъ или чувство составляетъ наиболѣе важный факторъ прогресса, хотя это разсужденіе всегда будетъ бесплодно. Можно утверждать, и совершенно основательно, что бываютъ условія, когда знаніе и логическая способность оказываются недостаточными; точно такъ же, какъ бываютъ условія, гораздо болѣе обыкновенныя, когда недостаточно чувство. Но мѣрять умъ и чувство, подгонять ихъ подъ рекрутскую мѣрку, послѣ которой ктонибудь изъ нихъ долженъ оказаться «годнымъ» для службы человечеству, а ктонибудь—«негоднымъ»—это просто дико. Еще болѣе дико презирать бѣдную «голову» такъ, какъ презираетъ ее сентиментальный старичекъ «Недѣля». И замѣтите вотъ что: если это дѣйствительно человѣкъ почтеннаго возраста, то легко можетъ быть, что лѣтъ пятнадцать, двадцать тому назадъ, онъ зачитывался блестящими статьями Писарева и тусклыми статьями г. Шелгунова, въ родѣ «Убыточности незнанія» и т. п. Очень вѣроятно, что онъ и самъ пописывалъ чтонибудь на тѣму объ убыточности незнанія и о величій разумнаго эгоизма. А теперь онъ согласенъ быть аке-

фаломъ, лишь бы сохранить сердце. Это для насъ характерно. Кажется, и бури никакой не было, а насъ носить въ углой ладѣ нашей жизни изъ стороны въ сторону, отъ одного борта къ другому, отъ носа къ кормѣ и обратно. То люди, кромѣ книжки, ничего знать не хотятъ, то не могутъ произнести слово «книжка» безъ, смѣю сказать, нелѣпой ироніи. «Недѣля» находится теперь уже не первый годъ въ этомъ ироническомъ настроеніи, которое отразилось и на статьѣ «Умъ и чувство, какъ факторы прогресса».

Впрочемъ, статья эта больше бросается въ глаза своимъ педантизмомъ и доктринерствомъ, особенно пикантнымъ въ устахъ палладина чувства, «сердца». Она испещрена ссылками на Спенсера, Дарвина, Милля, Маудсли, Бокля, Льюиса, Лекки, опять Спенсера, опять Дарвина, Бэна, Вундта и т. д. и не содержитъ въ себѣ указанія ни на одинъ житейскій фактъ. При этомъ цитаты набираются какъ-то совсѣмъ ни къ селу, ни къ городу. Напримѣръ, почтенному автору нужно сказать, что всякая способность развивается упражненіемъ и глохнетъ отъ неупражнения. Положеніе это до такой степени общеизвѣстно, что его можно поставить аксіомой и дѣлать прямо какіе слѣдуетъ, выводы. Но авторъ счелъ нужнымъ сдѣлать, при семъ удобномъ случаѣ, цитаты изъ Вундта, Карпентера, Спенсера, Милля и Маудсли! Слишкомъ много цѣтловъ! Далѣе, самый способъ выбора цитатъ необыкновенно страненъ. Писатель, въ подтвержденіе своей мысли, ссылается на слова другого писателя или потому, что въ словахъ этихъ выражена какая нибудь новая цѣнная мысль, или потому, что самыя слова удачно передаютъ мысль, или потому, что ими сообщается фактъ, или, наконецъ, потому, что цитата характерна для того именно писателя, у котораго она заимствована. Всѣ эти поводы для нашего автора не существуютъ. Напримѣръ, важность упражненія для развитія способностей могла бы быть подтверждена множествомъ чрезвычайно любопытныхъ фактовъ, которые приводятся и излюбленными писателями нашего автора. Но фактовъ онъ не приводитъ, а беретъ только общія положенія. Что же касается характерности его цитатъ, то, если ему будетъ угодно, я подберу у тѣхъ же самыхъ писателей цитаты совершенно противоположнаго свойства. Если рады цитатъ что нибудь доказываютъ, то мой рядъ долженъ быть признанъ не менѣе доказательнымъ, чѣмъ рядъ автора статьи «Умъ и чувство, какъ факторы прогресса». Напримѣръ, онъ съ торжествомъ приводитъ слѣдующія слова Спенсера: *«Въ ра въ нравственное дѣйствіе умственнаго образованія, опровергаемая фактами, немла и а priori»*. Какую связь можно представить себѣ между знаніемъ, что извѣстные знаки, написанные на бумагѣ, означаютъ извѣстныя слова, и приобрѣтеніемъ болѣе высокаго пониманія долга? Какое вліяніе можетъ оказать умѣнье выражать знаками звуки на усиленіе желанія поступать справедливо? Какимъ образомъ знаніе таблицы умноженія или умѣнье

быстро дѣлать сложеніе и дѣленіе можетъ увеличивать сердечную доброту въ такой степени, чтобы удержатъ отъ стремленія вредить своимъ ближнимъ? Какимъ способомъ умѣнне писать, знаніе грамативи и проч. можетъ сдѣлать чувство справедливости болѣе сильнымъ? Почему отъ увеличенія запаса географическихъ свѣдѣній, добытаго усидчивымъ трудомъ, можно ожидать и увеличенія уваженія къ правдѣ? Несоотвѣтствіе между такими причинами и такими слѣдствіями почти также велико, какъ между упражненіемъ пальцевъ рукъ и увеличеніемъ силы въ ногахъ. Тотъ, кто, преподавая латинскій языкъ, надѣялся бы передать знаніе геометріи, или сталъ бы ожидать, что умѣнне рисовать придастъ выразительность исполненію какой нибудь сонаты, *былъ бы, по всей вѣроятности, сочтенъ за сумасшедшаго; между тѣмъ, онъ едва ли судить болѣе неосновательно, чѣмъ тотъ, кто надѣется образовать болѣе высокія чувстваванія путемъ развитія умственныхъ способностей... Вѣра въ книжные уроки и въ знаніе составляетъ одно изъ суевѣрій нашего времени*. Прекрасно. Но, съ позволенія «Недѣли», я тоже приведу слова Спенсера: *«Наука есть лучшее средство не только для умственной дисциплины, но и для нравственной... Наука постоянно прибѣгаетъ къ индивидуальному разуму. Ея истины принимаются не на основаніи одного авторитета; всякому предоставляется свобода испытывать ихъ, а во многихъ случаяхъ, ученику приходится самому додумываться до заключеній. Каждый шагъ въ научномъ изслѣдованіи подлежитъ его обсужденію. Человѣкъ не обязанъ тутъ принимать истину, не провѣривъ ея. Нарождаемая же этимъ вѣра въ собственные силы возрастаетъ еще вслѣдствіе единообразія, которымъ природа оправдываетъ его заключенія, если они вѣрно выведены. Изъ всего этого вытекаетъ независимость, составляющая наиболѣе цѣнный элементъ характера. И это вовсе не единственная нравственная выгода, получаемая путемъ научныхъ занятій. Когда изслѣдованіе дѣлается надлежащимъ образомъ (т. е., насколько это возможно, въ формѣ оригинальнаго изслѣдованія), оно упражняетъ настойчивость и искренность. Профессоръ Тиндалъ говоритъ объ индуктивномъ изслѣдованіи: «оно требуетъ терпѣливаго прилежанія и смиреннаго, сознательнаго принятія откровеній природы. Первое условіе успѣха есть честная воспримчивость и готовность оставитъ всѣ предвзятія понятія, противорѣчація истинѣ, какъ бы дороги они ни были. Повѣрьте мнѣ, въ частныхъ изслѣдованіяхъ истиннаго служителя науки нерѣдко высказывается такое благородное самоотреченіе, о которомъ свѣтъ понятія не имѣетъ»* (Опыты, т. III, «Умственное, нравственное и физическое воспитаніе», стр. 60).

Вотъ. Мнѣ, обливаемому мутной водой ироніи «Недѣли» за пристрастіе къ книжкамъ, было, признаться сквзать, скучно дѣлать эти выписки изъ Спенсера. Но я сдѣлалъ это для автора статьи «Умъ и чувство», который, несмотря на свое недоувѣреніе

къ книжкамъ, строитъ цѣлую статью изъ книжныхъ цитатъ. Заключается ли въ двухъ приведенныхъ выпискахъ одно изъ тѣхъ противорѣчій и виляній, которыми такъ богаты сочиненія Спенсера, или они могутъ быть какънибудь согласованы — это въ настоящемъ случаѣ безразлично. Дѣло только въ томъ, что цитатамъ «Недѣли» можно противопоставить цитаты тѣхъ же самыхъ авторовъ, на которые и она ссылается, а про тѣхъ, на кого она не ссылается, и говорить нечего. А такъ какъ въ статьѣ «Умъ и чувство» нѣтъ ничего, кромѣ цитатъ, то, значить, она и не подлежитъ обсужденію по существу. Я позволю себѣ только одинъ вопросъ: зачѣмъ авторъ читалъ Милля, Спенсера, Льюиса, Дарвина, Маудсли, Карпенгера, Вундта, Бэна? зачѣмъ онъ написалъ свою статью; зачѣмъ вообще издается «Недѣля», если правда, что вѣрна въ книжные уроки и чтеніе есть не болѣе, какъ предразсудокъ? Я ужъ и не спрашиваю; какъ вяжется презрѣніе «Недѣли» къ книжкѣ съ ея холопскимъ уваженіемъ къ тѣмъ, кто пишетъ книжки — къ Алексѣю Сергѣевичу и Сергѣю Алексѣевичу? Мы, грѣшники, думающіе, что книжка, въ принципѣ — дѣло полезное (именно *дѣло*), хотя фактически иная книжка можетъ оказываться дѣломъ вреднымъ, мы можемъ, не противорѣча себѣ, съ чистою совѣстью читать, писать и цитировать. А для «Недѣли» — все это неприлично.

Есть, однако, точка зрѣнія, съ которой раздражающее бѣдную «Недѣлю» противорѣчіе исчезаетъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, на эту исторію вотъ съ какой стороны. «Недѣля», въ сущности, остается вѣрна своему правилу придерживаться разумъ на запяткахъ, когда громоздитъ горы цитатъ изъ Маудсли и Бэна и Спенсера, и проч., потому что, приводя доказательства исключающею книжныя, она тѣмъ самымъ предлагаетъ на слово вѣрить цитируемымъ авторамъ. Она и сама *впритъ*, и другимъ предлагаетъ *впритъ*, что, если Спенсеръ или Дарвинъ сказали чтонибудь, такъ ужъ собственному разуму читателя надо по добру, по здорову убираться куданибудь подальше. Умственные способности читателей не особенно разовьются отъ такого упражненія, но чувство довѣрія къ книжкѣ разовьется, напротивъ, настолько сильно, насколько могутъ этому способствовать силы «Недѣли». А результаты слѣплого довѣрія очень непрочны. Сегодня такой слѣпой человекъ находится въ одѣжкѣ рукавъ, завтра онъ можетъ перейти въ другія и также слѣпо окраситься въ совсѣмъ иной цвѣтъ. Долженъ, впрочемъ, оговориться: двѣ изъ цитатъ автора «Ума и чувства» (одна изъ Боля, другая изъ Милля) сопровождаются нѣкоторыми критическими замѣчаніями. И за то спасибо.

Какіе же практическіе выводы слѣдуютъ изъ положенія, что чувство есть важнѣйшій факторъ прогресса? А вотъ какіе. Напримѣръ, существующія націи «различаются между собой неодинаковою степенью любви къ независимости: однѣ терпѣливо переносятъ стѣсненіе, другія {совсѣмъ не переносятъ его»

(цитата!); поэтому человекъ, который бы видѣлъ вредъ, происходящій изъ недостатка чувства независимости въ національномъ характерѣ, обязанъ направить свою дѣятельность такъ, чтобы побуждать своихъ согражданъ къ поступкамъ, внушаемымъ имъ чувствомъ независимости, потому что это единственный способъ развить это чувство, т. е. единственный способъ избавиться отъ вреда, происходящаго отъ недостатка чувства независимости. *Не распространеніе идей о независимости, а только поступки, внушаемые чувствомъ независимости, развиваютъ и усиливаютъ это чувство*». Еслибы авторъ говорилъ отъ лица своего «сердца», тогда разговоръ съ нимъ былъ бы дѣломъ довольно мудреннымъ, но мы имѣемъ разсужденіе, логическій выводъ или нѣчто, выдаваемое за логическій выводъ. Значить, и требованія ему надлежитъ предъявить соответственныя. Надо замѣтить, что передъ тѣмъ авторъ, по обычаю, раздѣлялъ чувства на эгоистическія и альтруистическія и, по обычаю же, рекомендовалъ культивировать послѣднія и подавлять первыя. Но чувство независимости есть чувство эгоистическое (это и по Спенсеру такъ выходитъ). Почему же отъ недостатка его можетъ получиться вредъ? Другому я бы не задалъ такого вопроса; но авторъ «Недѣли» напичканъ Миллемъ, Бэнномъ и проч.; онъ опредѣляетъ относительное значеніе чувства и ума, классифицируетъ чувства, подтверждаетъ каждое слово свое кучей цитатъ, онъ является во всеоружіи доктрины. Ему можетъ быть заданъ подобный вопросъ. Далѣе, признавъ чувство независимости благомъ (я не сомнѣваюсь что оно—благо), надо еще знать, исчерпаны ли авторомъ аргументы за и противъ рекомендуемаго имъ способа распространенія этого блага. Конечно, нѣтъ. Чтобы недалеко ходить, напомнимъ сдѣланную мною выше выписку изъ излюбленнаго авторомъ Спенсера. Тамъ, какъ мы видѣли, доказывается, что чувство независимости воспитывается даже не «распространеніемъ идей», а просто привычкой критически мыслить. И въ этихъ доказательствахъ есть значительная доля справедливости. Несомнѣнно, что критическая работа мысли освобождаетъ отъ слѣпago довѣрія къ авторитетамъ, а, слѣдовательно, вырабатываетъ чувство независимости. Наконецъ, общественная жизнь представляеть такую сложную сѣть, что примѣръ, взятый нашимъ авторомъ, рѣшительно невысказимъ, какъ конкретный случай. Невысказимо такое состояніе общества, въ которомъ вредъ отъ отсутствія или малаго развитія чувства независимости не осложнялся бы другими условіями. Представимъ себѣ, что дѣло идетъ о болгарахъ подъ турецкимъ владычествомъ до нынѣшней войны. Можетъ быть, картина выйдетъ не вполне соответствующею дѣйствительному положенію вещей въ Болгаріи, но мы говоримъ только примѣрно. Чувство независимости въ болгарахъ очень слабо, такъ что имъ и въ голову не приходитъ мысль о полной возможности сбросить турецкій гнетъ, благодаря огромному ихъ численному перевѣсу надъ турецкими угнетателями. И вотъ

является какой-нибудь болгарской патриотъ или горсть патриотовъ, убѣжденная, что только поступками, внушенными чувствомъ независимости, можетъ быть устраненъ соотвѣтственный вредъ. Горсть патриотовъ можетъ сама совершать подобныя поступки и не добиться ровно ничего, если, дѣйствительно, въ массѣ болгарской націи чувство независимости слабо. Сама нація должна совершать поступки, чтобы развить и усилить въ себѣ чувство независимости. А спрашивается: какъ же этого добиться, какъ не распространеніемъ идей, не разъясненіемъ болгарской націи всего ужаса и позора ея положенія подъ магометанскимъ владычествомъ? И развѣ такое распространеніе идей не есть «поступокъ»? Турки, вѣроятно, не задумались бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Но тутъ встрѣтились бы еще и другія обстоятельства. Болгаре не только непосредственно слабы чувствомъ независимости, они невѣжественны и потому естественно находятся подъ гнетомъ авторитета и съ покорностью судьбѣ несутъ свое ярмо. Они изолированы другъ отъ друга, сидятъ каждый подъ тощей смоковницей своей и не имѣютъ даже поползновенія сойтись съ сосѣдомъ, который тоже сидитъ подъ смоковницей и подъ такой же тощей. Для того, чтобы они признали силу свою, они должны объединиться, а объединеніе можетъ быть совершено только подборомъ единомышленниковъ, т. е. опять-таки только распространеніемъ идей. Наконецъ, вѣка рабства и насилія привили болгарской націи не мало положительныхъ пакоостей, кромѣ отсутствія чувства независимости, и всѣ эти пакоости требуютъ своихъ особенныхъ противоядій. Въ концѣ концовъ, еслибы даже «поступки», и только они, могли устранить вредъ, причиняемый болгарской націи отсутствіемъ чувства независимости (а это не вѣрно), то не бывало на памяти исторіи такого случая, чтобы вредныя стороны положенія общества исчерпывались однимъ этимъ вредомъ.

Странное дѣло: приходится защищать «распространеніе идей» отъ писателя, отъ человѣка, на котораго распространились идеи многихъ европейскихъ ученыхъ и который самъ распространяетъ идеи! Читатель можетъ сказать, что статья «Умъ и чувство, какъ факторы прогресса» совсѣмъ не требовала столь длиннаго объ ней разговора. Это отчасти—правда, но только отчасти. Не въ самой статьѣ тутъ дѣло, а въ читателяхъ, въ тѣхъ особенностяхъ нашего темперамента, о которыхъ рѣчь шла выше. Если авторъ перегибаетъ дуку въ известную сторону, то читатели, при известныхъ условіяхъ, перегибаютъ его еще сильнѣе. Хорошій поступокъ прекрасенъ и желателенъ, хорошее чувство тоже прекрасно и желательно, но предавать изъ за этого всеожженію мысль, знаніе, логику, «голову», «книжку»—отнюдь не приходится. Это совсѣмъ не такіе предметы, которые не могутъ ужиться рядомъ. Тяжба между умомъ и чувствомъ безобразна и не имѣетъ рѣшительно никакого *raison d'être*. Оставимъ это нелѣпое дѣло слезливымъ старичкамъ, изнывающимъ по женихъ

дѣвицамъ, да еще тѣмъ рыцарямъ чувства, которые имѣютъ дѣйствительные резоны бояться свѣта знанія и искры ума.

Какіе непривлекательные поступки можно совершать при содержаніи разума на запяткахъ, это очень наглядно показываетъ статья «Либераль о сѣромъ мужикѣ», напечатанная въ № 9 «Недѣля». Рѣчь въ ней идетъ объ очеркахъ г. Иванова. Объ этомъ же предметѣ трактовалъ и наивный самодоволецъ, но тотъ такое занесъ, что половица: «въ огородѣ лебеда, а въ Кіевѣ дядька» — сама премудрость въ сравненіи съ его разсужденіями. Что же касается автора статьи «Либераль о сѣромъ мужикѣ», то вотъ одинъ изъ упрековъ, дѣлаемыхъ имъ г. Иванову: «Г. Ивановъ узналъ, чего ждетъ и проситъ мужицкая душа: денегъ, денегъ, денегъ... Что же пожелаетъ онъ нашему народу? Если онъ будетъ логиченъ, то пожелаетъ «просвѣщенныхъ администраторовъ», которые бы своими мѣрами, во-первыхъ, не дали возможности мужику выучиться «обобщать», иначе изъ этого мужика сдѣлается порядочная свинья, какъ ясно доказалъ г. Ивановъ; а во-вторыхъ — твердыми и неуклонными мѣрами поставили бы этого мужика въ невозможность нарушать права окружающихъ сѣрыхъ мужиковъ — на случай, еслибы онъ и выучился обобщать, несмотря на препятствія, созданныя просвѣщенными администраторами». — Кто подумаетъ, что авторъ и въ самомъ дѣлѣ только договариваетъ недоговоренное самимъ г. Ивановымъ. Зачѣмъ, однако, автору понадобилось рѣшать за г. Иванова, чего онъ долженъ пожелать народу, когда тотъ самъ очень ясно формулировалъ свои пожеланія? Въ томъ самомъ очеркѣ, по поводу котораго авторъ находитъ нужнымъ и возможнымъ сравнивать г. Иванова даже со становымъ приставомъ, говорится: «Придетъ ли когда-нибудь въ русскую глухую деревню такой человѣкъ, который рѣшился бы отдать ей свои знанія, стать, несмотря на эти знанія, въ общія условія бѣдности крестьянской жизни, рѣшился бы не «благодѣтельствовать», а существовать на тѣ, только на тѣ средства, которыя безъ принужденій волостного начальства, а по силѣ помочи, дадутъ ему «за его трудъ» сами крестьяне, и только тѣ крестьяне, которымъ онъ помочь, пособить, научить? Когда-нибудь такой человѣкъ непременно придетъ въ деревню, теперь же его куда что-то не видно. Мѣсто его занимаетъ человѣкъ служачій, чужой, нанятой, какой случится, какой попался». Кажется, ясно? Вы можете считать пожеланія г. Иванова утопическими или исполнимыми, цѣлесообразными или нецѣлесообразными, достаточными или недостаточными, но приплести сюда «просвѣщенныхъ администраторовъ» не представляется, казалось бы, никакой возможности. Однако, «Недѣля» приплела. Одно изъ двухъ. Или это прямая, совершенно дрянная недобросовѣстность, которая должна быть просто зачислена въ списокъ полемическихъ подвиговъ самоновѣйшаго чекана, или это плодъ недоразумѣнія. Только объ этомъ послѣднемъ, пожалуй и стоитъ говорить. Держа разумъ на запяткахъ и сохраняя

лишь вѣру, авторъ счелъ нужнымъ заступиться за народъ, слишкомъ, дескать, черными красками изображаемый г. Ивановымъ. Я имѣлъ уже случай говорить о значеніи подобнаго заступничества, т. е. когда человѣкъ заступаетъ зря, не понявъ точки зрѣнія того, чьи якобы нападки онъ отражаетъ. Не говоря уже о томъ, что всѣ наблюденія г. Иванова относятся къ одной опредѣленной мѣстности, что онъ и самъ оговариваетъ, г. Ивановъ указываетъ и причины подмѣченныхъ имъ непривлекательностей мужика. Причины эти лежатъ не въ самомъ мужикѣ, а въ его обстановкѣ, въ тяжеломъ его положеніи. Еслибы мужикъ былъ истуканъ, не имѣющій никакого нравственнаго содержанія, то, конечно, никакая обстановка не могла бы его изуродовать, потому что и уродовать-то было бы нечего. Но, такъ какъ мужикъ—не истуканъ, не бревно, то его положеніе не могло не помять и не исказить его нравственнаго облика. Утверждая, что народъ безусловно хорошъ, всегда и при всякихъ обстоятельствахъ хорошъ, «Недѣля» и не подозреваетъ, до какой степени она этоть самый народъ оскорбляетъ, какую деревянность и нечувствительность ему усвоиваетъ. Не подозреваетъ она также, какую, говоря словами Золѣ, «пощечину человѣчеству» даетъ она, отрицая возможность нравственной порчи мужика, а, слѣдовательно, и пагубность условій, въ которыхъ ему жить приходится. Держа разумъ на запяточкѣ, она не можетъ, конечно, благополучно выбраться изъ бездны противорѣчій, въ которыя попадаетъ, и, сильная (сильна ли?) только чувствомъ, разрѣшается клеветой на человѣка, добросовѣстно и съ щемящей болью въ сердцѣ передающаго свои наблюденія. «Надѣля», очевидно, не Чацкій и горе ея—не горе отъ ума.

Мой отчетъ о «Недѣлѣ» былъ бы не полонъ, еслибы я не упомянулъ о приложеніяхъ, которыя она съ нынѣшняго года ежемесячно выдаетъ своимъ подписчикамъ. Приложенія эти состоятъ изъ маленькихъ книжекъ, содержащихъ оригинальныя и переводныя повѣсти и рассказы. Приложенія, повидимому, сильно поправили дѣла «Недѣли». Это видно по тому радостному, лоснящемуся, такъ сказать, тону, съ которымъ расшаркивается передъ новыми подписчиками фельетонистъ «Недѣли» — не сентиментальный старичокъ, конечно, (тутъ плакаться не о чемъ)—а молодцоватый, вседовольный, всезнакомый, наивный самодовольецъ. Впрочемъ, это его хвастовство, хвастовство подписчиками и сочувственными письмами, несмотря на свой высочій комизмъ, по крайней мѣрѣ, вполне натурально.

Что касается содержанія ежемесячныхъ приложеній къ «Недѣлѣ», то я откладываю его разборъ до слѣдующаго раза, когда буду вообще трактовать о современной шаблонной беллетристикѣ. Одно только замѣчаніе позволю себѣ сдѣлать сегодня.

Беллетристика Москвы и петербургскаго отдѣленія Москвы, то-есть произведенія гг. Ключниковыхъ, Дѣсковыхъ, Авсѣенокъ, Маркевичей и проч., вся построена на одинъ ладъ. Дѣвица,

прелестная, какъ ангелъ, кроткая, какъ голубь, и мудрая, какъ змій, попадаетъ въ кружокъ петербургскихъ литераторовъ или петербургскихъ нигилистовъ, отличающихся разными недоброработченностями и преимущественно пьянствомъ, сладострастіемъ и вольнымъ обращеніемъ съ женщинами. Первоначально дѣвица увлекается, иногда при этомъ падаетъ, иногда же нетолько, съ божіей помощью, невинность соблюдаетъ, но и капиталъ приобрѣтаетъ. Однако, во всякомъ случаѣ, она томится. Не для нигилистовъ она рождена. Ея эфирная душа просится въ инныя, высшія сферы, ея лазурныя очи ищутъ иныхъ, болѣе изящныхъ картинъ и образовъ. Притомъ же, она, обыкновенно, въ глубинахъ души одеволонъ и духи любитъ. Въ концѣ концовъ, она, такъ или иначе, отрясаетъ прахъ отъ ногъ своихъ. Шаблонъ этотъ, помимо его нравственной цѣнности, уже тѣмъ дурень, что страшно надоѣлъ. Кромѣ того, авторы не подозреваютъ, до какой степени пошла та кукла-героиня, которую они, какъ дѣти, рядятъ въ полинялыя лоскутки всѣхъ цвѣтовъ. Къ сожалѣнію, шаблонъ этотъ начинаетъ перебираться изъ Москвы и петербургскаго отдѣленія ея въ Петербургъ. Таковъ именно мало ароматическій букетъ повѣсти г. Полонскаго «Нечаянно», напечатанной въ приложеніяхъ «Недѣли», и повѣсти г-жи Стацевичъ «Идеалистка», печатающейся въ «Словѣ». Это печально.

А, впрочемъ, кругомъ столько печалей и радостей поважнѣе, что объ этихъ дрязгахъ писать такъ не хочется, такъ не хочется, что я кончаю...

Н. М.